
Глава сорок третья

В которой говорится о возделывании поминальных земель и о том, как извлечь из этого немалую выгоду. Часть первая.

После жестокого наказания Баоюю пришлось безвыездно провести в постели целых полмесяца. Впрочем, скучать в четырех стенах ему не давали: кухни и служанки то и дело собирались у его ложа, развлекая праздной беседой да веселыми шутками. К тому же разгневанная матушка Цзя так сурово отчитала Цзя Чжэна за проявленную жестокость, что тот был вынужден отступить. Второму господину не оставалось ничего иного, кроме как сквозь пальцы смотреть на то, как его непутевый сын малодушно проводит дни в женских покоях, а все строгие наставления касательно наук и прилежания на время пришлось схоронить в глубине души.

Старая госпожа, не находя себе места от тревоги и жалости к внуку, каждые несколько часов посылала к нему служанок со снадобьями, дабы те прикладывали к ранам охлаждающие мази, унимающие жар и боль. В те дни присматривать за гостившей в доме Ши Сяньюнь была приставлена служанка по имени Чжэньчжу. Увидев, в каком плачевном состоянии находится молодой барин, она сама вызвалась носить ему лекарства и прислуживать у постели. Возвращаясь, она не только подробно докладывала матушке Цзя о здоровье больного, но и чутко подмечала малейшие его прихоти — будь то еда или питье, — так что старая госпожа могла тотчас исполнить любое желание любимца.

Видя столь редкое усердие и понятливость, матушка Цзя прониклась к Чжэньчжу глубокой симпатией. Старая госпожа рассудила, что внуку как раз не хватает такой преданной и заботливой души, и велела девушке отныне безотлучно находиться при Баоюе. Однако Чжэньчжу робко возразила, напомнив, что изначально была послана обхаживать барышню Сяньюнь.

— Если я уйду к молодому господину, — молвила она, — то кто же станет заботиться о нашей гостье?

Услышав это, старая госпожа лишь утвердилась в мысли, что перед ней служанка верная и на удивление рассудительная. Восхитившись ее деликатностью, матушка Цзя решила заменить ее у Сяньюнь другой своей девкой, Цуйлюй, а Чжэньчжу велела без лишних сомнений отправляться к Баоюю.

Когда Чжэньчжу вошла в число личных служанок Баоюя, молодой барин быстро оценил ее преданность. Вспомнив, что родовое имя девушки — Хуа, что значит «цветок», он оживил в памяти некогда читанную стихотворную строку: «Цветочный дух струится, вещая полуденный зной», и выбрал из нее два слова: «Сижэнь» — «накатывающий аромат». Испросив дозволения

у матушки Цзя, он переименовал служанку. Девушка и ее домашние сочли за великую милость получить столь изящное имя из уст господина и приняли его с глубоким благоговением. Много позже, когда Баоюй подрос и старая госпожа сочла, что ему требуется больше заботы — ведь у старшего брата, господина Чжу, в покоях прислуживали четыре старшей горничной, — она отдала внуку еще одну свою служанку, по имени Шэюэ. Впрочем, об этом речь пойдет позже.

Тем временем старший молодой господин Цзя Чжу исправно, день за днем, являлся на службу в Академию Ханьлинь. Свободного времени у него почти не оставалось. Его наставник, Хоу Сяохуа, обремененный сразу двумя государственными должностями, при малейшем избытке дел перепоручал часть забот Цзя Чжу и Сюй Чжоу. Так что молодым людям, помимо усердной подготовки к предстоящим дворцовым экзаменам, приходилось всю помогать своему патрону, исполняя обязанности его помощников. Служба при дворе открывала перед ними невиданные прежде возможности: новости здесь разлетались мгновенно, а в лабиринтах столичных ведомств у стен всегда находились уши. Порой даже случайный шепоток двух чиновников, сошедшихся перекурить или посудачить о пустяках, таил в себе сведения неоценимой важности.

В один из таких дней Цзя Чжу по обыкновению разбирал свитки в библиотечном павильоне Академии Ханьлинь — высочайшего ученого собрания Поднебесной, славившегося своим необозримым книгохранилищем, величайшим и древнейшим в мире. Из всех закоулков Академии юноша больше всего любил именно этот тихий приют мудрости. Он часами блуждал меж тесных рядов высоких стеллажей, бережно прикасаясь к бесценным первопечатным книгам и редчайшим рукописям, точно посетитель диковинного музея. Лишь изредка, припоминая трагический пожар Ханьлиня во время будущей смуты года Гэнцзы, о которой ему было ведомо, он невольно испускал тяжелый, печальный вздох.

В ту минуту он стоял у полок с философскими трактатами и сборниками ста школ, выискивая труды по ратному делу и военной стратегии, к которым питал особенную склонность. Внезапно в тишину зала ворвались шаги: в павильон вошли двое чиновников из Министерства финансов. Скрытый тенью высокого стеллажа, Цзя Чжу остался для них незамеченным.

Они притворили за собой дверь, не прерывая негромкого разговора.

— Наверху давят немилосердно, — со вздохом пожаловался один. — Сам министр на днях сетовал, что от этих забот у него борода наполовину поседела!

— Еще бы не поседеть! — подхватил спутник. — Из провинций так и шлют донесения одно другого страшнее. На юге от недавнего наводнения поля опустошены, урожай погиб полностью. Голод повсюду, мертвые тела вдоль дорог лежат, люди толпами покидают родные очаги... Государь сам не свой от тревоги. Издал указ всей палате урезать расходы, а сэкономленное направить на помощь голодающим.

Цзя Чжу хотел было выйти из укрытия и спросить, не требуется ли почтенным господам его помощь — ведь в библиотеке он заменял смотрителя. Но не успел он сделать и шага, как сзади бесшумно возникла фигура. Прежде чем он успел вскрикнуть, чья-то ладонь накрыла ему рот, а крепкая рука властно обхватила за талию, прижав спиной к широкой груди.

Цзя Чжу похолодел от неожиданности. Скосив глаза, он замер: всего в паре вершков от него находилось безупречно красивое лицо. Он вскинул соболиные брови к вискам, а сам он смотрел с лукавой, опасной усмешкой. Это был никто иной, как пятый принц, Ту Линь.

Узнав нежданного гостя, Цзя Чжу отбросил мысль о сопротивлении и затих, не смея шелохнуться. Ему оставалось лишь гадать, как и когда Его Высочество проник в хранилище столь бесшумно, что даже он, обладающий неплохой сноровкой, ничего не почувял. Сила и ловкость этого человека явно превосходили его собственные. Тем временем Цзя Чжу почувствовал, как бешено заколотилось его сердце. Горячее дыхание принца щекотало шею за ухом, точно тончайшие шелковые нити, заставляя кожу покрываться россыпью мелких мурашек.

Пока в голове Цзя Чжу царило полнейшее смятение, из-за стеллажа вновь донесся голос чиновника:

— Кстати, о пожертвованиях. Вчера мы как раз подвели итог сборам среди удельных князей и знати. Если не считать государя и его сыновей, щедрее всех оказался принц Чжуншунь. Наследник престола лично изволил расспрашивать меня об этом деле сегодня поутру. Увидев сумму, присланную Чжуншунем, Его Высочество выказал величайшее удовольствие...

Имя принца Чжуншуня мгновенно заставило Цзя Чжу насторожиться и напрочь позабыть о двусмысленном положении, в котором он сам находился. Чжуншунь... Цзя Чжу прекрасно помнил, что в грядущих потрясениях именно этот вельможа станет злейшим врагом дома Цзя. Быть может, именно его происки в конечном счете приведут к падению их рода и конфискации имущества. Судя по словам казначея, этот хитрый лис прочно связал свою судьбу с наследником престола. Коль скоро престолонаследник со временем займет трон, могущество Чжуншуня станет безграничным. «Придется действовать с удвоенной осторожностью», — мрачно заключил про себя юноша.

Чиновники тем временем принялись наперебой расспрашивать друг друга о размерах собственных подношений, лицемерно жалуясь на безденежье.

— Раз уж государь являет пример милосердия, нам ли оставаться в стороне? — елейным голосом вещал первый. — И пускай в кошельке моем за последние годы изрядно поубавилось, придется затянуть пояс потуже, дабы выказать преданность престолу.

— Ваша правда, — со вздохом вторил ему приятель. — Урожай в моем загородном поместье нынче выдался скудным, едва хватает на содержание домочадцев. Если начистоту, мне и самому впору просить у казны вспомоществования!

Оба чиновника слаженно покатались со смеху. Стоя за стеллажом, Цзя Чжу мысленно выругался. «Поглядел бы на себя, боров лоснящийся, — раздраженно подумал он. — Какая часть твоей туши являет образ пострадавшего от голода?»

Не успел он закончить эту мысль, как у самого его уха раздался вкрадчивый шепот, от

которого по спине пробежала дрожь:

— О чем же так глубоко задумался молодой господин Цзя? Только что дрожал от страха, а теперь витает в облаках...

Вздвогнув, Цзя Чжу поспешил собраться с мыслями. Он уже открыл рот, чтобы пробормотать нечто невразумительное, но в этот миг за дверью послышались удаляющиеся шаги — чиновники покинули книгохранилище.

Лишь тогда пятый принц не спеша разомкнул объятия. Цзя Чжу поспешно отступил на шаг, развернулся и низко склонился перед августейшей особой.

— Приветствую Ваше Высочество, — проговорил он, стараясь вернуть голосу прежнюю твердость. — Какими судьбами вы удостоили своим посещением эти скромные покои? Могу ли я быть чем-то полезен Вашему Высочеству?

Пятый принц окинул его долгим, оценивающим взглядом.

— Стало быть, господин Цзя — частый гость в этих стенах? Оттого и ориентируется здесь столь свободно?

— Ваш покорный слуга чрезвычайно дорожит здешним собранием, — смиренно отозвался Цзя Чжу. — Пусть я и не силен в изящной словесности, но прихожу сюда в надежде постичь хотя бы малую толику древней мудрости. Я действительно неплохо знаю расположение свитков и почту за честь услужить Вашему Высочеству.

На лице Ту Линя промелькнула тень искреннего любопытства.

— Не думал, что изнеженного книжника могут привлекать труды по военной стратегии.

— Ничтожному слуге доводилось просматривать некоторые из них, — уклонился от прямого ответа Цзя Чжу.

Его Высочество снисходительно улыбнулся.

— Я шел сюда напрямик из Военного министерства, дабы отыскать нужные трактаты, — проговорил он, заложив руки за спину. — Однако сейчас мне припомнилось дельце куда более занятное, посему я, пожалуй, откланяюсь. Всего хорошего.

С этими словами он развернулся и легким, бесшумным шагом направился к выходу.

— Счастливого пути Вашему Высочеству, — Цзя Чжу вновь склонился в глубоком поклоне.

Лишь когда тихий шорох шагов принца окончательно затих в коридоре, юноша распрямил спину. Мотивы поступков этого человека оставались для него загадкой, но Цзя Чжу рассудил, что соваться в чужие тайны — удел безумцев. Тот, кто слишком много знает, редко кончает добром. С облегчением вздохнув, он осторожно смахнул выступивший на лбу холодный пот.

<http://bllate.org/book/18221/1768302>